

Н. Н. Болгов

Новая эпоха в изучении византийского Херсона

Сорочан С. Б. Византийский Херсон (вторая половина VI—первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. — Харьков: Майдан, 2005. — 1643 с., 470 рис.)

последние полтора-два десятилетия, несмотря на сложнейшие экономические и политические процессы, исследование классических и византийских древностей Северного Причерноморья двинулось вперед семимильными шагами. История как наука о человеке и обществе лишней раз доказала, что может плодотворно развиваться лишь в условиях свободного обмена мнениями и информацией, даже при отсутствии финансирования.

Накопившиеся в истории и археологии к 90-м годам прошлого столетия проблемы всем очевидны. В условиях, когда лишь в нескольких крупнейших городах СССР было возможно публиковать археологическую литературу, когда существовало лишь несколько академических журналов и сборников, постепенно образовались такие залежи неопубликованных отчетов, не введенных в научный оборот материалов, что впору было, по выражению одного из коллег, проводить раскопки уже в архивах.

Информационный взрыв последних двух десятилетий лишь в относительной мере ликвидировал старые завалы, так как вопреки всем самым неблагоприятным обстоятельствам резко возросло количество новых археологических работ и публикаций материала. Просто успевать следить за всеми новыми публикациями становилось все труднее и труднее. Поэтому знаменем времени стало появление первых историографических работ, которые были призваны хотя бы в относительной мере осмыслить общие направления исторической интерпретации нового археологического материала [1; 2, с. 295–360; 3, с. 331–386] или историю исследований региона в исторической перспективе [4]. Думается, что данный процесс только начинается.

Второй, не менее важный феномен последних лет — уточнение периодизации, выделение новых исторических периодов в жизни Северопонтийского региона, появление первых концептуальных, обобщающих работ, в которых с высоты XXI в. находил осмысление социально-исторический процесс.

Среди периодов, новое понимание которых сложилось в последние годы, наиболее важны, как и наиболее сложны, два: позднеантичный (конец III—середина VI вв.) и ранневизантийский (вторая половина VI—середина X вв.). Надо, однако, признать, что до сих пор полного единства среди специалистов нет как в терминологии, так и порой в оценках сути анализируемых событий. Особенно это характерно для позднеантичного периода. Зачастую имеет место описание материальной культуры, вещественных памятников без понимания сути исторических процессов. И все-таки контуры глобального исторического процесса в регионе уже проясняются.

В ряду наиболее заметных явлений последнего десятилетия в изучении ранневизантийского периода в Северном Причерноморье стоит несколько монографий и диссертаций, а также коллективных обобщающих работ. Две диссертации, посвященные Северному Понту позднеантичного и ранневизантийского периодов, в общем взаимодополняют друг друга [5; 6].

Раздел IV второго тома академической «Древней истории Украины» придал новой периодизации позднеантичного периода (до середины VI в.) официальный статус [7, с. 452–478].

Сложнейший процесс христианизации Северного Причерноморья (и попутно процесс генезиса христианского искусства в регионе) был на современном уровне раскрыт в монографии В. М. Зубаря и А. И. Хворостяного [8].

Не менее сложные этнические процессы в Таврике были изучены в монографии и диссертации А. И. Айбабина [9; 10].

Своеобразным подведением итогов изучения материальной культуры Северного Причерноморья ранневизантийского времени (вкуче со смежными областями Циркумпонтийской зоны в пределах бывшего СССР) стал коллективный труд в академической серии «Археология» (бывшая «Археология СССР») [11].

Изучение истории Херсонеса–Херсона, разумеется, также не стояло в стороне от общего процесса. Помимо глав в трудах, посвященных Северному Понту в целом, появились «Очерки истории и археологии византийского Херсона», написанные одним из авторитетнейших исследователей города А. И. Романчук [12; 13, с. 301–306].

Отдельные категории материальной культуры ранневизантийского Херсона были проанализированы в трехтомном издании коллектива авторов, вышедшем в Польше [14; 15; том 2 остался нам пока недоступным], а также в диссертациях и публикациях Л. А. Голофаст и И. А. Завадской [16; 17, с. 97–260; 18; 19, с. 402–426; 20, с. 77–90].

Огромное количество публикаций было посвящено отдельным памятникам ранневизантийского Херсона.

В этом же ряду находятся и главы ряда монографий В. М. Зубаря, освещающие историю города в рассматриваемое время с точки зрения взаимоотношений с Римской империей и этнического развития [21, гл. 4, с. 142–166; 22, гл. 7, с. 198–216].

На этом фоне абсолютно закономерным стало появление обобщающего четырехтомного издания, посвященного истории Херсонеса–Херсона в целом [23; 24]. Таким образом, рецензируемое издание является третьим по счету томом в этом масштабном проекте, не имеющем пока аналогов в мировой практике. До сих пор ни один из греко-римских и византийских центров не удостоивался столь полного и, самое главное, всеохватного итогового исследования на академическом уровне.

От первых двух томов книгу отличает важное обстоятельство: она написана одним автором — профессором Харьковского национального университета, начальником Херсонесской археологической экспедиции «Цитадель» С. Б. Сорочаном. Второе, сразу же бросающееся в глаза отличие этого издания — его объем, вдвое превышающий каждый из предыдущих томов.

Как проект в целом, так и рецензируемый том уже встретили пристальное внимание специалистов, отзывавшихся о них в печати [27, с. 46–50; 28, с. 101–103; 29, с. 50–51; 30, с. 100–104; 31; 32, с. 9; 41, с. 170–175]. Готовится к изданию еще ряд отзывов и рецензий.

Прежде всего следует, быть может уже повторяясь, отметить действительную уникальность как проекта в целом, так и книги С. Б. Сорочана (она вполне может рассматриваться и как отдельная фундаментальная монография).

Огромный объем книги воочию обнаруживает прежде всего гигантский масштаб проделанной автором работы. Но очевидно также, что даже такой объем не мог исчерпать всех проблем истории и археологии ранневизантийского Херсона: сколько материала в той или иной степени осталось «за кадром», без исчерпывающего ана-

лиза, можно предполагать. Тем не менее С. Б. Сорочан умело выделил главное, сосредоточил на нем основное внимание, попутно обозначив и прочие, менее значимые проблемы, и, так или иначе, представил свою точку зрения на большинство из них, наметив дальнейшие пути исследования. Последнее особенно важно, поскольку академическая монография не закрывает тему, а, подводя почти 200-летний итог изучения раннесредневекового византийского Херсона, позволяет более успешно двигаться дальше другим историкам, которые несомненно есть и будут.

Не скрою, что являюсь поклонником языка и стиля Сергея Борисовича. Ему дан редкий дар увлекательно писать о казалось бы «сухих материях» вроде экономики. «Человеческое измерение», взгляд на событие или процесс с точки зрения «субъекта истории» — человека — дает замечательные результаты.

Эти принципы исследования, зиждущиеся на методике исторической антропологии, были блестяще реализованы в предыдущей крупной работе С. Б. Сорочана, где был создан удивительный и увлекательный «эффект присутствия» на улицах, рынках, в жилищах и мастерских ранневизантийских городов [33; 34]. Эти достоинства в значительной мере присутствуют и в новой книге.

Также мне импонирует научно-исследовательский прием С. Б. Сорочана, которым сегодня не всегда пользуются специалисты, но который, по-моему, является обязательным. Рассматривая то или иное событие или памятник, Сергей Борисович считает себя обязанным давать максимум ссылок на публикации, так или иначе касающиеся данной темы. Конечно, порой при таком подходе можно упомянуть не стоящую того слабую или компилятивную работу, но это — меньшее зло, нежели масса статей, в которых с псевдоакадемическим гонором *argumenti ex silentio* красноречиво молчащий о других автор не утруждает себя ссылками на всех предшественников, в лучшем случае избирая для критики (или высокоученого избияния) одного-двух. Знание литературы, особенно в свете отмеченного выше информационного взрыва, становится в наши дни редким качеством настоящего ученого-эрудита.

Полагаю, что бесспорным достоинством книги является историографический анализ (Введение, с. 6–77), построенный в остро полемичном проблемном ключе. Выделив значительное количество «историографических стереотипов», С. Б. Сорочан блестяще развенчивает многие догмы, существовавшие в науке, наглядно показывая их происхождение. Будучи однажды высказанной гипотезой, зачастую в дальнейшем некоторые идеи претерпевают невиданные метаморфозы, а новыми поколениями ученых без должной критической проверки воспринимается как бесспорный факт. А ведь ошибочных интерпретаций, гипотез, выведенных из гипотез, можно было бы избежать, лишь только задав себе труд внимательно освоить всю литературу по проблеме. Но такую «роскошь» сегодня может себе позволить не каждый.

Не менее важным и фундаментальным стал разбор источников (гл. 1: «Свидетельства прошлого. Виды и общее состояние») (с. 78–166). С. Б. Сорочан этой главой еще раз напомнил прописные истины ремесла историка: не доверять переводам письменных источников, а владеть языками и давать собственную интерпретацию, выжимая дополнительный смысл из текста; уметь задавать ему новые вопросы; анализировать вещественные источники только в результате аутопсии (конечно, при наличии сегодня самого памятника; многие уже утрачены).

Обращаясь к основным главам книги, не могу сразу же не упомянуть еще об одном ее принципиальном достоинстве. Это ровный, уважительный и исключительно корректный тон научной полемики. Даже в случае явной ошибки, *lapsi memoriae*, или даже явного пробела в знаниях тех авторов, чьи мнения разбираются в книге, Сергей Борисович никогда не опускается до «избияния» явно некомпетентного коллеги, до издевки по поводу его незнакомства с той или иной статьей и т. п. Это важно еще и потому, что его труд представляет собой нечастый ныне пример глубокого исторического и археологического синтеза. Будучи в равной мере историком и археологом, С. Б. Сорочан

счастливого избавлен от «узкоархеологического» взгляда некоторых коллег, «сидящих на материале», но не всегда успевающих давать его интерпретацию, и оттого очень негативно воспринимающих «опусы» историков, пишущих, по их мнению, что угодно и как угодно, поскольку они «не владеют материалом». Развивать эту тему, думается, ни к чему, так как она является прежде всего признаком наличия общей культуры у ученого и человека, или ее отсутствия.

Глава 2 («Око и щит Империи: Херсон к концу правления Юстиниана и его ближайших преемников») (с. 167–230) представляла для меня особый интерес в силу близких научных интересов, а также в силу того, что VI столетие является завершением переходного позднеантичного периода и оформлением всех основных существенных характеристик ранневизантийского.

Изложение в главе осуществляется по смешанному проблемно-хронологическому принципу в общем нарративном дискурсе. Иллюстрации, карты и схемы создают необходимую для адекватного восприятия текста визуализацию. Важно, что история Херсона подается как часть византийской, имперской, то есть на широком историческом фоне, что, без сомнения, создает правильную перспективу восприятия реального места города в тогдашней ойкумене. Кстати, этот византийский фон и аналогии не чрезмерны, но, в то же время, достаточно репрезентативны для подкрепления выводов.

Можно было бы указать на несколько схематичную канву истории Боспора VI в., намеченную в этой главе, а также на выборочную библиографию, но боспорские сюжеты второстепенны для данной книги, не ставившей задачи изучения истории Боспора, в отличие от Юго-Западной Таврики — непосредственной периферии Херсона.

Быть может, этой главе было бы не лишним иметь более дробное предметное оглавление (как это сделано в ряде других глав), что облегчило бы восприятие отдельных проблем, но это в целом для книги оказалось невозможным по издательским причинам.

Глава 3 («Деловой город. Экономическое развитие Херсона во второй половине VI—VII вв.») — это «любимый конек» автора со времен его исследования о рынке в Византии. Блестяще владея материалом, автор систематизирует его и выстраивает концепцию оформления того типа экономики Херсона, который существовал здесь фактически до конца его истории. Сделанное здесь выделение тематических пунктов также делает главу одной из наиболее удачных. Подозреваю, что обзор керамики (с. 237–241) может показаться археологам слишком лапидарным: нет ни характеристики амфорных комплексов, ни сопоставления типологий амфорных классификаций (А. Л. Якобсон, А. В. Сазанов, АДСВ и др.), ни указания на то, какую типологию автор считает правильной, ни показа эволюции форм сосудов. Концептуально это, конечно, объяснимо — речь в книге идет о керамическом производстве как виде хозяйственной деятельности, но удержаться от соблазна дать отдельный экскурс в область одной из важнейших категорий материальной культуры было, видимо, непросто. Место, уделенное амфорам в этой главе, видимо, объяснимо еще и с той точки зрения, что автор не «пишет историю», включая все, что попадает в поле его зрения в свой дискурс, а излагает материал проблемно и концептуально.

Глава 4 («Византия и хазары в Таврике: господство или кондоминиум?») является одним из наиболее важных звеньев в авторской концепции. Отмечая, что даже новейшие работы говорят о «хазарском господстве» в Таврике (с. 323 сл.), С. Б. Сорочан признает отсутствие единого мнения у специалистов. Однако, широко и разносторонне обоснованная им концепция кондоминиума, как представляется, действительно позволяет развязать многие запутанные узлы и более убедительно интерпретировать ряд событий, чем концепция однозначного «хазарского господства». Предложенный автором «ключ» уже с успехом пробуют применять к истории Таврики VIII—IX вв., о чем свидетельствует недавняя защита кандидатской диссертации В. Е. Науменко [35].

Глава 5 — о населении раннесредневековой Таврики — заново рассматривает этнические процессы в среде окружавших Херсон варваров, а также на Боспоре (с. 396–450). Не вдаваясь в исследовательский феномен, вследствие которого население Юго-Западного Крыма в письменных источниках именуется готами, а современными археологами — аланами (в последние годы наметились подвижки, позволяющие установить готские признаки в общей материальной культуре), С. Б. Сорочан сосредотачивает внимание на степени византинизации этого варварского населения. Она была достаточно высока в Таврике именно вследствие близости к греческим городам региона. Однако это порождает другую трудность — материальная культура греков из Херсона и боспорских городов почти тождественна материальной культуре варваров (с. 449–450). Это лишний раз доказывает сложность этнических отождествлений по данным материальной культуры и предостерегает от опасных выводов. Так, в литературе можно встретить утверждения о том, что керченский некрополь IV—VI вв. оставлен то готами, то гуннами (кочевниками в городе (sic!); и это при том, что степные погребения гуннов хорошо известны), то греками-боспорянами с примесью варваров; а причина таких выводов заключается в том, что в некрополе встречаются вещи, характерные для всех указанных групп. Значит, нужна дополнительная работа по вычленению устойчивых этнических признаков в материальной культуре и, главное — комплексный исторический синтез. Основная конкретная заслуга С. Б. Сорочана в этой главе — отказ от однозначного отождествления кладки *opus spicatum* с салтовцами, а признание ее элементом антично-византийского происхождения. Тем самым положен конец еще одному мифу историографического происхождения, хотя, безусловно, для окончательного вывода требуется тщательный анализ археологического материала, сопутствующего кладке «в елку», и стратиграфические колонки.

Глава 6, посвященная экономическому развитию Херсона в VIII в., хронологически продолжает главу 4. Лейтмотивом ее является опровержение концепции крайнего экономического упадка города в «темные века». Выводы автора здесь вполне убедительны, а амфорам VIII в. уделено больше внимания, чем керамике предыдущих столетий.

Глава 7 («Рождение фемы») и глава 8 («Государственное устройство Херсона и «призраки самоуправления») посвящены наиболее сложным для интерпретации, но стержневым в познании исторического процесса потестарно-политическим феноменам. Глава 7 рассматривает эти проблемы сквозь призму имперской «большой политики», а глава 8 — через анализ внутренних процессов.

Глава 7 производит впечатление одной из самых основательно фундированных и вписанных в общеимперский контекст (с. 489–581). Глава 8 убедительно доказывает, что политический строй города в принципе мало чем отличался от общеимперского, а ряд должностей в административной структуре нельзя рассматривать как «органы самоуправления» (с. 582–679). Важно подчеркнуть противопоставление юридического и фактического положения города (с. 591). Попытки вывести однозначные заключения только на основе нормативных актов могут завести исследователей в тупик. Широкие аналогии, отказ от поисков даты «аннексии» города империей, анализ изменения дипломатики надписей убеждают в том, что реальная инкорпорация и интеграция Херсона в империю произошла достаточно рано, видимо, уже в конце IV—V вв., и была достаточно прочной. Наличие же должностей, восходящих к античному самоуправлению, нуждается в тщательном изучении с точки зрения континуитета администрации и преломления античных традиций в византийское время.

Соглашаясь с автором одной из рецензий, Н. Е. Гайдуковым, в том, что главы 1–8 дают основную часть концепции исторического развития Херсона, не могу согласиться с тем, что она «не получилась». В отличие от автора упомянутой рецензии, история Херсона, на мой взгляд, изложенный выше, выглядит как достаточно стройная, четкая, хотя и действительно сложная картина. «Окинуть единым взглядом» ее вполне возможно, хотя и трудно. Быть может, характер распределения материала

и степень подробности изложения небесспорны (это касается в основном 2-й главы), но в единую концепцию материал все же вполне выстраивается, а звенья вполне пригнаны друг к другу.

Глава 9 («Город строящийся: архитектура и топография раннесредневековой эпохи») — одна из наиболее важных и сложных. Автор здесь как бы возвращается в VI в., и отсюда вновь анализирует весь ранневизантийский период по ряду проблем. Это, прежде всего, христианизация Херсона, его сакральная (и «профанная») архитектура и топография города [ср.: 37]. Эта тема не может не касаться также истории искусства в Херсоне, так как декорум был частью строительного дела. Отдельный важный пункт — фортификация. В целом эта глава занимает 350 страниц и во многих отношениях является ключевой, выстраивая в систему по сути все основные категории разнообразного археологического материала и письменных источников.

Один из главных плюсов главы — тщательно и со знанием дела перенесенный на Херсон с конкретными отождествлениями на местности сложный комплекс различных типов общественных зданий в Византии. Речь идет о всевозможных банях, больницах, богадельнях, странноприимных домах и даже об общественных уборных. Эти пункты написаны с блестящим знанием дела, топографические привязки вполне убедительны, а в ряде случаев образцовы.

В частности, выделены потестарные центры города. Дана хронология общественного строительства и предложено оригинальное объяснение его причин. Особенно убедителен ответ на вопрос о причинах и источниках финансирования массового строительства храмов в конце VI в., что фактически закрывает дискуссию о датировках базилик Херсона (А. Л. Якобсон, С. А. Беляев и др.). На территории города или близ его стен установлено существование трех монастырей, и аргументы в пользу этого весьма весомы. Специально на новом уровне знаний рассмотрена фортификация и предложено объяснение причин ее кардинального изменения на южном участке города в IX—X вв. Из декорации наибольшее внимание уделено мозаикам, меньше — мраморным деталям храмов и фрескам.

Главный и наиболее дискуссионный раздел главы — о храмах и других сакральных сооружениях (мартирии, баптистерии и др.). Основные замечания по этому разделу, сформулированные Н. Е. Гайдуковым, направлены на следующее:

- 1) не использован литургический контекст храмов и его возможности, в том числе для датировки;
- 2) непонятно, по каким признакам ряд храмов получили названия;
- 3) чисто светская методология автора, отсутствие использования церковной, привели автора, по мнению рецензента, к ряду фактических ошибок, в основном литургического свойства.

Возможности использования литургического контекста были хорошо показаны самим Н. Е. Гайдуковым [38, с. 7–11 и ряд других работ]. То, что в этом есть резон, никто не сомневается. Но утверждать, что использование литургии названо С. Б. Сорочаном «научным курьезом», неверно. На самом деле на с. 770 говорится лишь о том, что «курьез» — использование только литургии, без археологии и данных прочих источников. Следовательно, С. Б. Сорочан выступает здесь как сторонник комплексного подхода, что вполне оправданно.

Не стал бы делать далеко идущие заключения о ряде фактических ошибок, вызванных пренебрежением или незнанием литургии, то есть по сути — преимущественно светской научной методологией. С. Б. Сорочан использовал целый ряд фундаментальных трудов по литургии (Р. Тафт, Г. Шульц, М. Кунцлер, В. Саксер) и бесспорно имеет представление об этом предмете. Он достаточно уверенно ориентируется в богатом наследии христианской, церковной археологии (Д. В. Айналов, А. Грабар, Ж. Лассюс, Р. Краутхаймер, А. Хачатрян, С. Ристов, П. Сен-Рок, Ф. Дайхманн, Н. Дюваль, А. Г. Хрушкова и др.), причем пытается соединить эти знания не

только с проблемами исторической, христианской топографии конкретного византийского центра, но и воссоздать, насколько возможно, основные стороны его литургической жизни. Последнее опять-таки сулит начало нового направления исследований, отходящего от сугубо вещеведческого, археологического и искусствоведческого описания церковных памятников, вырываемых из контекста исторического бытия. По поводу же конкретных замечаний, быть может, стоило бы подготовить отдельную статью, причем не «передергивать» в ней поданого автором материала, произвольно не трактовать приведенные наблюдения и тем самым искажать их, как это присутствует в рецензии Н. Е. Гайдукова. Еще раз подчеркну, что к истине ведет только комплексный подход, свободный от конфессиональной «зашоренности».

По поводу названий храмов: С. Б. Сорочан предлагает свою интерпретацию, приводя аргументы в ее пользу как в рецензируемой книге, так и в более ранних статьях. Многие отождествления, действительно, остаются на уровне гипотезы (кроме, пожалуй, южного загородного храма Богородицы Влахернской). Поэтому уверенное и недвусмысленное использование сделанных С. Б. Сорочаном отождествлений для многих будет выглядеть непривычно на фоне традиционного списка с номерами по счету, предложенного в свое время Императорской Археологической комиссией. Д. В. Айналова, А. Л. Якобсон и А. И. Романчук в свое время воздержались от отождествления большинства храмов с тем или иным святым или праздником [39; 40; 12, с. 222–234], но это не значит, что такое отождествление невозможно для некоторых из них. Особенно убедительно оно выглядит в отношении Уваровской базилики (№ 23) — храма Св. апостолов Петра и Павла, Восточной базилики (№ 36) — храма апостола Петра, «часовни Г» (№ 12) — гробничного мартирия Св. Василея, известных из нарративных источников. Локализация хотя бы одного такого памятника уже событие в изучении христианских древностей.

Глава 10 («Смерть в Херсоне») обобщает материалы исследований некрополей, что представляется особенно актуальным (с. 1031–1095). Энрико Дзанини вполне справедливо заметил в своем обобщающем исследовании, что археология погребального обряда византийского мира находится в зачаточном состоянии [41]. Отсюда научные сюрпризы, которые несомненно ее ожидают. Нескольким неожиданным здесь может показаться вывод о том, что в Херсоне в целом сохранялась система некрополей-кладбищ за пределами городской стены. В самом городе хоронили лишь немногих выдающихся людей, церковных иерархов (как правило, в храмах или близ них). Учитывая ментальные изменения, в том числе изменение отношения к смерти у христиан (по сравнению с язычниками) и появление участков погребений внутри городской черты во многих городах Византии, следует признать, что отсутствие этого феномена в Херсоне объясняется либо традициями постантичного консерватизма, либо занятостью места в весьма населенном и застроенном городе. В любом случае, этот раздел монографии воссоздает облик кладбища эпохи «темных веков», выпавший из поля зрения предыдущих исследователей, и тем самым дает новый импульс к изучению этой интереснейшей научной проблемы.

Главы 11 и 12 (с. 1096–1208) на широком историческом фоне повествуют о завершении ранневизантийского периода в истории Херсона (а не о «закате и умирании», как ошибочно отмечает в своей рецензии Н. Е. Гайдуков) и его переходе в следующий — поздний период (второй половины X—XIV вв.), которому посвящен четвертый, заключительный том «Херсонесского проекта», готовящийся к изданию коллективом авторов при поддержке Министерства культуры и туризма Украины, Национального заповедника «Херсонес Таврический» и Института археологии НАНУ.

Существенным дополнением к монографии, обогащающим и расширяющим ее, являются очерки, добротные написанные сотрудниками НЗХТ. Известный специалист в области сфрагистики Н. А. Алексеенко подготовил полную сводку печатей

коммеркиариев, обнаруженных в Херсоне (с. 1592–1626), а А. В. Иванов попытался обрисовать общую картину антропологической ситуации в городе в наиболее темные столетия его истории, сделав, таким образом, первый шаг и в этом важном, малоизученном направлении (1627–1638). Восстановлением исторической справедливости следует рассматривать и опубликование не вышедшей в свое время по политическим причинам статьи К. Э. Гриневича, посвященной попытке объяснения известного херсонского четырехасидного храма-мемория, который исследователь впервые связал с материалами херсонских Житий (с. 1586–1591). Известная специалистам, она до сих пор покоилась в архиве НЗХТ.

Наконец, особого упоминания заслуживает капитальная «Антология письменных источников», служащая приложением к книге С. Б. Сорочана (с. 1232–1585). По сути, мы получили здесь продолжение классического труда В.В. Латышева *Scythica et Caucasica*. Оригиналы текстов не приведены, скорее всего, из-за объема издания (кстати, перепечатка SC в ВДИ в конце 40-х годов также была сделана без переводов), но переводы в основном новые, добротные и снабжены образцовыми, полными комментариями. Это опыт самостоятельного глубокого источниковедческого исследования. Когда-то комментарии Е. Ч. Скржинской к переводу «Гетики» Иордана вызывали вопросы у современников из-за своего объема. Прошли годы, и этот обширный авторский проблемный комментарий стал классическим. Комментарии С. Б. Сорочана, по моему мнению, самоценны и образцовы. Они не потеряют своего значения и много лет спустя. Быть может, в дальнейшем имеет смысл переиздать «Антологию» с комментариями отдельным изданием.

В целом, надо признать труд С. Б. Сорочана титаническим. Эта книга — без преувеличения научный подвиг. В наши дни в одиночку так уже почти не пишут, а, значит, Сергей Борисович продолжает этим трудом славные традиции отечественной византистики XIX—начала XX вв. Такую работу можно осилить только чрезвычайным напряжением сил. При этом неизбежны некоторые неточности и опечатки, которые вкрались в издание и которые объясняются в некоторой степени тем, что работа над текстом продолжалась непосредственно до дня сдачи в печать. При переизданиях они, конечно, будут устранены.

Концепция истории ранневизантийского Херсона, безусловно, состоялась. Но эта книга, как плодородная почва, чревата еще многими идеями, ростками и побегам, пробивающими себе дорогу со многих страниц. Видимо, уже сегодня Сергей Борисович многие места дополнил бы и переработал. Но — что сделано, то сделано. Книга вышла в свет и стала фактом научной жизни. С ней можно спорить, можно соглашаться, но она есть как концептуальная история одного из городов Римской империи. «Кто сможет, пусть делает лучше...» А пока — новая эпоха в изучении византийского Херсона открыта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Колтухов С. Г., Юрочкин В. Ю. От Скифии к Готии. Очерки истории изучения варварского населения Степного и Предгорного Крыма (VII в. до н. э.—VII в. н. э.). — Симферополь, 2004.
2. Зубарь В. М. История изучения сельскохозяйственной округи Херсонеса в конце XVIII—середине/третьей четверти XX вв.//Боспорские исследования. — Симферополь; Керчь, 2005. — Вып. 10.
3. Зубарь В. М. Изучение сельскохозяйственной округи Херсонеса Таврического на Гераклеяском полуострове в 70–80-х гг. XX в.//Боспорские исследования. — Симферополь; Керчь, 2006. — Вып. 11.
4. Тункина И. В. Русская наука о классических древностях Юга России (XVIII—середина XIX в.). — СПб., 2002.

5. Сазанов А. В. Города и поселения Северного Причерноморья ранневизантийского времени.: Автореф. Дисс. ... докт. ист. наук/Специальность 07.00.06 — археология. — М., 1999.
6. Болгов Н. Н. Проблемы континуитета в контексте развития античной цивилизации в Северном Причерноморье (конец III—VI вв.): Автореф. Дисс. ... докт. ист. наук/Специальность 07.00.03 — всеобщая история. — Н.-Новгород, 2003.
7. Давня історія України. — Т. 2: Скіфо-антична доба. — К., 1998.
8. Зубарь В. М., Хворостянский А. И. От язычества к христианству. Начальный этап проникновения и утверждения христианства на юге Украины (вторая половина III—первая половина VI в.). — К., 2000.
9. Айбабин А. И. Этническая история ранневизантийского Крыма. — Симферополь, 1999.
10. Айбабин А. И. Этническая история ранневизантийского Крыма: Автореф. дисс. ... докт. ист. наук/Специальность 07.00.06 — археология. — СПб., 1998.
11. Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV—XIII вв. — М., 2003.
12. Романчук А. И. Очерки истории и археологии византийского Херсона. — Екатеринбург, 2000.
13. Сорочан С. Б. [Рец.]/Древности 2004. — X., 2004 (Романчук А. И. Очерки истории и археологии византийского Херсона. — Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2000. — 390 с., 120 рис.).
14. Ранневизантийские сакральные постройки Херсонеса Таврического/Под ред. А. Б. Бернадского, Е. Ю. Клеиной, С. Г. Рыжова. — Roznau, 2004.
15. Домбровский О. И. Византийские мозаики Херсонеса Таврического/Изд. подг. В. А. Кутайсов. — Roznau, 2004.
16. Голофаст Л. А. Стекло ранневизантийского Херсона: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук/Специальность 07.00.06 — археология. — М., 1998.
17. Голофаст Л. А. Стекло ранневизантийского Херсонеса//МАИЭТ. — Симферополь, 2001. — Вып. 8.
18. Завадская И. А. Христианство у ранньовізантійському Херсонесі (за культовими пам'ятками): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук/Специальность 07.00.02 — всеобщая история. — К., 2000.
19. Завадская И. А. Христианизация ранневизантийского Херсонеса (IV—VI вв.) //МАИЭТ. — Симферополь, 2003. — Вып. 9.
20. Завадская И. А. Хронология памятников раннесредневековой христианской архитектуры Херсонеса (по археологическим данным)//МАИЭТ. — Симферополь, 2000. — Вып. 7.
21. Зубарь В. М. Северный Понт и Римская империя (сер. I в. до н. э.—I пол. VI в.). — К., 1998.
22. Зубарь В. М. Херсонес Таврический и население Таврики в античную эпоху. — К., 2004.
23. Херсонес Таврический в третьей четверти VI в. до н. э.—первой половине I в. до н. э. Очерки истории и культуры. — К., 2005 [Т. 1].
24. Херсонес Таврический в середине I в. до н. э.—VI в. н. э. Очерки истории и культуры. — X., 2004 [Т. 2].
25. Сорочан С. Б., Зубарь В. М., Марченко Л. В. Жизнь и гибель Херсонеса. — X., 2000.
26. Сорочан С. Б., Зубарь В. М., Марченко Л. В. Херсонес—Херсон—Корсунь. — К., 2003.
27. Колобов А. В. Знаковое явление в современной херсонесиаде//Новый Гиперборей. — Пермь, 2004.

28. Колобов О. В. [Рец.]//Археология. — 2005. — № 1 (Херсонес Таврический в середине I в. до н. э.—VI в. н. э. Очерки истории и культуры. — Х.: Майдан, 2004).
29. Крыжицкий С. Д. Херсонес—Херсон—Корсунь//Час UA. — 2006. — № 6 (16). — 11–17 февраля.
30. Храпунов И. М. [Рец.]//Археология. — 2006. — № 2 (Херсонес Таврический в третьей четверти VI в. до н. э.—первой половине I в. до н. э. Очерки истории и культуры. — К.: Академперіодика, 2005).
31. Гайдук Н. Е. [Рец.] (Сорочан С. Б. Византийский Херсон (вторая половина VI—первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. — Х.: Майдан, 2005) //www.patriarchia.ru/db/text/101372.html.
32. Марусик Т. «Херсонес Таврійський» та українська археологія//Україна молоді. — 2006. — № 167 (2954). — 13 вересня.
33. Сорочан С. Б. Византия IV—IX вв.: этюды рынка. Структура механизмов обмена. — Х., 1998.
34. Сорочан С. Б. Византия IV—IX вв.: этюды рынка. Структура механизмов обмена. 2-е изд., испр. и доп. — Х., 2001.
35. Науменко В. Є. Таврика у контексті візантійсько-хазарських відносин: політико-адміністративний аспект: Автореф. дис. ... канд. іст. наук/Спеціальність 07.00.02 — всесвітня історія. — К., 2004.
36. Храпунов Н. И. О континуитете администрации византийского Херсона//Древности. 2004. — Х., 2004.
37. о. Александр [Пелин], протоиерей. Топография христианского Херсонеса IV—XIV вв./Дисс. канд. богословия. — Сергиев Посад, 2001//Архив НЗХТ.
38. Гайдук Н. Е. Уваровская базилика: еще раз к вопросу о датировках//Херсонес Таврический. У истоков мировых религий. — Севастополь, 2001.
39. Айналов Д. В. Развалины храмов/Памятники христианского Херсонеса. — М., 1905. — Вып. 1.
40. Якобсон А. А. Раннесредневековый Херсонес//МИА. — М., 1959. — № 63.
41. Zanini E. Introduzione all'archeologia bizantina. — Roma, 1994.
42. Внуков С. Ю. [Рец.]//Российская археология. — 2006. — № 1 (Херсонес Таврический в середине I в. до н. э.—VI в. н. э. Очерки истории и культуры. Коллектив авторов. — Х.: Майдан, 2004. — 732 с., илл.).

